

Рецензии

Ф. Пестей. Рец. на Siniscalchi, V., Harper, K. (Eds.) Food Values in Europe. London: Bloomsbery Academic, 2019.

Цель рецензируемой книги состоит в том, чтобы показать, каким образом в Европе альтернативные пищевые практики служат рамкой для обсуждения “ценностей”. Она опирается на различные этнографические поля, рассматривает широкий спектр альтернативных пищевых инициатив, среди которых: городское садоводство, мелкое фермерство и животноводство, потребительские кооперативы и “овощные корзины”, противодействие господствующим формам потребления – и устанавливает связи между этими различными практиками. В качестве ценностей выступают новые, основанные на солидарности, модели обмена между производителями и потребителями; качественные продукты питания; продовольственная самодостаточность; уважение многообразия и продовольственная справедливость. Европа являет собой идеальное пространство для сравнительного анализа проектов, связанных с продовольствием, поскольку она существует как политическое, экономическое и географическое целое, но по-прежнему включает в себя отдельные государства, истории и культуры. Авторы рецензируемого труда анализируют проекты, призывающие к пересмотру существующих форм производства, распределения и потребления продуктов питания. Одновременно с возникновением новых практик и новых типов отношений мы можем также наблюдать сосуществование материальных и нематериальных ценностей.

Книга состоит из 15 глав, сгруппированных в 4 раздела. Им предшествует введение, написанное двумя соредакторами и задающее общую рамку коллективного труда. Он выдержан в сравнительной европейской перспективе, а в теоретическом плане опирается на положения экономической антропологии, красной нитью проходящие через все тексты. Завершает труд предметно-именной указатель.

Первый раздел посвящен так называемым “просьюмерам”, т.е. производителям-потребителям, и их ценностям. В Португалии городские жители, для которых прежде садоводство и огородничество было индивидуальным или семейным хобби, занятием в свободное время, объединяются в сельскохозяйственных парках, где пытаются сочетать рыночные и нерыночные ценности: *sabor* (вкус) и *saber* (знания, умения). Приведенные в книге выдержки из интервью рисуют противоречивую реальность. Выбор в пользу выращивания высокорентабельных видов овощей и фруктов, порой не используемых в традиционной португальской кухне, некоторые оправдывают расчетом на существенную денежную прибыль. Принятые практики делиться, обмениваться выращенными плодами, добровольно и бескорыстно помогать нуждающимся повышают ценность щедрости, тогда как использование мотокультиваторов, позволяющее избавиться от утомительного вскапывания лопатой, поднимает проблему уважения к окружающим и соблюдения негласных социальных норм. Возникающие конфликты садоводы решают на общем собрании и с помощью управляющего комитета, что является новой формой организации совместной работы. Производство продукции для собственного по-

---

Филипп Пестей | <http://orcid.org/0000-0002-5194-0794> | ph.pesteil@wanadoo.fr | профессор |
Университет Западной Бретани (3 Rue des Archives, 29238 Brest, France)

Для цитирования: Ф. Пестей. Рец. на Siniscalchi, V., Harper, K. (Eds.) Food Values in Europe. London: Bloomsbery Academic, 2019. // Антропологии/Anthropologies. 2021. № 1. С. 154-158. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/154-158>.

требления, а также для раздачи окружающим, порождает чувство гордости от использования в пищу плодов своего труда и способствует укреплению социальных связей, но в основе этой практики – не создание альтернативной экономики, а такие мотивы, как потребность в физических нагрузках или нежелание сидеть дома в свободное время.

Другая модель “пищевого активизма” рассмотрена на примере Праги. В ней сплетены современные побудительные мотивы – демонстративное потребление, призванное упрочить политический и культурный капитал, – и традиционные, унаследованные от социалистического прошлого практики. Участки при сельских домах – *chaty*, которыми владеет каждый седьмой чех, сегодня возделываются в основном старшим поколением, тогда как дети и внуки используют их чаще для отдыха и развлечений, в том числе в компании друзей. В городах при социализме существовали коллективные сады – *kolonia*, где жители выращивали овощи и фрукты для пополнения своего пищевого рациона. Сегодня эти зеленые пространства теснят застройщики, но все же они еще используются по назначению. Кооператив *Prazelenina* в своих мини-садах выращивает продукцию, известную высокими вкусовыми качествами и пользующуюся поэтому большим спросом и социальным престижем. Помимо производства, члены кооператива организуют также совместный досуг: шашлыки, киновечера, пикники. Более ангажирован политически и сильнее ориентирован на отстаивание альтернативных пищевых ценностей другой кооператив – *Vidimova*.

В Австрийской Штирии, где, начиная с 1970-х гг., отмечается возврат к земле, развиваются практики продовольственного самообеспечения. Их целью является скорее поддержка местного производителя (за счет покупки продовольствия в ближайшей округе), чем самостоятельное производство всего спектра потребляемых продуктов. Фермеры при этом уделяют большое внимание экологии, производя органические продукты. Параллельно распространяется новый жизненный стиль: отказ от микроволновых печей, предпочтение сезонным овощам и фруктам... В целом налицо стремление к равновесию между рынком и собственным производством, к созданию окружающей среды, отвечающей потребностям каждого.

В центре внимания второго раздела – вопросы соотношения цены (как рыночного понятия) и ценности (как понятия морального). Они рассмотрены на примере молочного производства в двух европейских регионах: испанской Галисии и итальянской Сардинии. Растущая концентрация производства молока в руках индустриальных гигантов, ставшая следствием либеральной экономической политики, позволяет им контролировать объемы производства и цены на рынке, разоряя оставшихся мелких производителей. Последние протестуют, требуя заключения новых соглашений о закупках и установления “справедливых” цен. Эти требования приобрели социальное измерение, поскольку подразумевают сохранение привычного образа жизни, достоинства и независимости фермеров и пастухов. В свою очередь государство и промышленники противопоставляют им принцип “устойчивых” цен и вынашивают планы переноса производства в другие регионы. Вопрос качества продукции также является центральным в противостоянии мелкого и крупного бизнеса. Делая акцент на “домашнем” способе производства, фермеры выступают против европейских норм, основанных на санитарии и гигиене. Для одних, таким образом, синонимом качества являются малые объемы производства, для других же – строгое соблюдение нормативов. Например, активисты движения пастухов Сардинии противопоставляют фермерский сыр промышленному, опираясь одновременно на дискурс о “тысячелетней культурной традиции” и на экологические аргументы в духе процесса “возрождения” крестьянства и пастушества, свойственного продовольственному активизму. Понятие “устойчивости” также может интерпретироваться по-разному: для крупных производителей оно означает высокую производительность и максимальную прибыль, тогда

как в небольших сельских сообществах оно имеет также социальную и экологическую составляющую и выражается в принципе “справедливой цены”.

На общеевропейском уровне принятие в 1962 г. Единой сельскохозяйственной политики ЕС за счет применения интенсивных технологий и создания крупных предприятий привело к сокращению сельского населения и в то же время перепроизводству основных продуктов питания (молока, масла...), а также способствовало загрязнению почв и уменьшению биоразнообразия. В ответ на это во многих европейских странах появились крестьянские объединения, преследующие цель совместно с экологами и потребителями противостоять доминирующему продуктивизму. Позже они организовали международное движение “Крестьянский путь” (*La Via Campesina*), которое выработало широкое определение “продовольственного суверенитета”. Совместные усилия производителей, продавцов и потребителей направлены на укрепление местных продовольственных систем в противовес политике, проводимой Всемирной торговой организацией. За 30 лет этому движению удалось сформулировать и широко внедрить социальные ценности и принципы продовольственного суверенитета и “этичного потребления”.

Третий раздел посвящен проблемам солидарности и взаимопомощи между производителями и потребителями. Они рассмотрены на примерах проекта “Продовольственных корзин”, реализуемого в Марсельском регионе Франции, а также деятельности продовольственных кооперативов в Каталонии (Испания) и Салониках (Греция). Речь идет о создании альтернативных, вне рыночных систем распределения продовольственной продукции, исключающих посредника в лице торговых сетей. Эта система, противостоящая индустриальному сельскому хозяйству и модели глобальной экономики, делает возможным возврат к традиционным видам и сортам плодоовощной продукции, которые не берут на реализацию крупные торговые сети, а также восстанавливает прямой контакт производителя с потребителем, выстраивая между ними определенное социальное взаимодействие. Основанная прежде всего на доверии, система достаточно требовательна к производителям, которые должны регулярно поставлять качественную и разнообразную продукцию по разумным ценам, и не решает всех их проблем. Отказываясь от официальной системы сертификации продуктов как чересчур заформализованной и навязанной сверху, группы активистов предлагают в качестве альтернативы местные формы гарантии качества – Систему совместной сертификации (SGP). Однако конкуренция между производителями или их конфликты с потребителями никуда не исчезли, и за благонамеренными речами о справедливом обмене кроется более сложная реальность. Новая модель, созданная как альтернатива традиционной капиталистической системе, не полностью оторвана от нее, увязывая политическое и экономическое воображаемое продовольственных активистов (справедливая торговля, ценности “сообщества”) с рыночными реалиями. Вопреки стремлению противопоставить себя рынку и государству, ассоциации продовольственных активистов вынуждены, тем не менее, использовать созданную до них инфраструктуру: водопроводные и информационные сети, дороги... Появление органических продуктов в крупных и средних торговых сетях создает конкуренцию для кооперативов. И если последние действительно гарантируют определенную стабильность занятости и пропагандируют ценности моральной экономики, основанной на доверии и прямых контактах, то вопрос о том, можно ли действительно относить их к “альтернативной” экономике, остается открытым в виду многообразия их связей с неолиберальной рыночной системой.

Четвертый раздел книги посвящен ценностям потребителей в меняющемся контексте противостояния глобального и локального. На примере Латвии авторы показывают, как ценности, продвигаемые Евросоюзом (в частности, “справедливая торговля”), наталкиваются на не-

довольство конкуренцией, которую импортная продукция создает для местной, произведенной в стране. Вхождение в либеральную экономику заставляет латвийского потребителя считаться с чужими геополитическими и коммерческими интересами, которых он зачастую не понимает, и, живя в бедной стране, воспринимать нормы новой элиты – населения богатых европейских стран. На смену существовавшим при социализме практикам добывания, в обход государства, дефицитных продуктов, о производителе которых никто не задумывался, пришла солидарность с далеким производителем, которому нет дела до бедности местного населения. Постсоветским потребителям трудно признать свою ответственность за плачевное состояние экономик стран глобального Юга, жителям которого они обязаны помогать из чувства солидарности и в ущерб собственным сельхозпроизводителям.

Проблема бедности находится также в центре анализа ситуации в постсоветской Молдове, где после деколлективизации и приватизации 2000-х гг. население, особенно сельское, согласно официальным статистическим данным, сильно нуждается. В то же время, сами сельские жители отказываются признать, что испытывают нехватку продовольствия, и по праздникам их столы ломятся от угощений. Государственная статистика, оперирующая категорией “минимальной потребительской корзины”, не учитывает реалий молдавской экономики (личный труд, взаимопомощь друзей и родственников). Дефицит скорее касается наличных денег, нежели продовольствия. Если же человеку действительно нечего есть, то это рассматривается как следствие его маргинального статуса или неподобающего поведения. Таким образом, качество жизни напрямую зависит в данном случае от социальных ценностей и отношения к труду.

Пища может также служить утверждению идентичности (пример дискуссий относительно мяса “халяль” в мусульманской общине Дании) и межпоколенной передаче культурных ценностей, как это показано на примере афрокарибских мигрантов в Англии: сохранение кулинарных рецептов, приготовление традиционных блюд укрепляют внутрисемейные связи и способствуют созданию общинных сетей вокруг совместного потребления. Семейные праздники, коллективные трапезы в квартале становятся поводом для непринужденного дружеского общения людей разных поколений, которые обмениваются новостями и говорят о своей стране. Культурные центры также стремятся поддерживать кулинарное наследие, культурные связи и здоровое питание, в частности, с помощью развития общественных садов, где люди выращивают овощи, фрукты, цветы.

Автор заключительной главы “Фундаментальная неоднозначность ценности пищи” напоминает читателю, что пища не сводится к ее рыночным аспектам и предлагает остановиться на трех составляющих современного продовольственного активизма: первая – “права человека и социальная справедливость”; вторая – “полезная и здоровая пища” и третья – “забота об окружающей среде”. Обязанность прокормить свою семью и позаботиться о самых слабых, перераспределение остатков всегда были моральным долгом, который институты старались обходить, если беднейшим не хватало еды. Автор настаивает на гибридном измерении продуктов питания, являющихся товаром, нагруженным культурными смыслами, и напоминает, что даже принципы рыночной экономики основаны на определенных ценностях: конфликт заложен в различном понимании этих ценностей. В контексте, когда государства отошли на второй план, уступив место транснациональным корпорациям вполне логично, что продовольствие оказалось на острие протестных движений и альтернативных практик, особенно в развитых странах.

Рецензируемая книга характерна оригинальным подходом к продовольствию – через ценности, которые оно несет, а также особым углом зрения: вниманием к альтернативным практикам, зарождающимся в Европе. Основываясь на двух сторонах ценностей, а именно эмных – цен-

ностях потребителей и различных организаций активистов – и ценностях рыночной экономики, о которых нередко забывают или обходят их молчанием, соредакторы поставили перед собой задачу представить картину во всей ее сложности и нюансах. Это им удалось, поскольку, даже если “альтернативным” практикам уделено больше внимания, чем “господствующей системе”, последняя всегда дается в перспективе и присутствует в анализе в полном объеме. Этот подход, разделяемый всеми авторами, позволил избежать ангажированной этнографии, мифологизирующей альтернативные экономики. Одним из достоинств книги следует признать выявление неоднозначности, явных и скрытых внутренних конфликтов, что стало возможным благодаря полевым исследованиям и включенному наблюдению. Внимание к “обычным людям”, о которых любил писать Дж. Оруэлл, – сильная сторона этнологии, от которой она не должна отходить, – позволяет увидеть не только жестокие последствия рыночной экономики для повседневной жизни, но и несогласованность и противоречивость новых требований, связанных с продовольствием. Можно было бы опасаться, что ограничение рамок анализа одной лишь Европой и сосредоточение на “ценностях” создаст эффект “вариаций на одну тему”. Однако этого не произошло. Разнообразие полей и подходов позволило избежать повторов и однообразия, которые делают чтение утомительным. Исследования, реализованные в бывших социалистических странах (Латвия, Молдавия, Чешская Республика) и анализирующие их переход к рыночной экономике, придают книге определенную оригинальность, а рассмотрение случаев этнических и религиозных меньшинств в европейских странах (Дании, Великобритании) дополнительно усложняют картину. Конечно, теоретический аппарат у разных авторов зачастую схож, и такие понятия, как “моральная” или “этичная” экономика являются частью общего концептуального багажа многих глав. Аналитическая ценность книги могла бы быть еще выше в случае более “социологического” подхода, который позволил бы выявить социальное происхождение активистов, вовлеченных в различные формы протестных действий. Однако это замечание несколько не умаляет интереса приведенных данных и качества их анализа.

Рецензируемая книга позволяет оценить актуальность исследований, связанных с пищей, и в целом обоснованность роста интереса к антропологии питания в последние годы. Сочетание разных уровней масштаба: от геополитики и рыночной экономики до мотивации покупателя, а также множества аспектов: проблемы сертификации сельскохозяйственной продукции, роли ассоциаций производителей, продовольственного активизма в его бесчисленных проявлениях – выглядит уместным и удачным.

Book Review

Pesteil, F. Review of Siniscalchi, V., Harper, K. (Eds.) Food Values in Europe. London: Bloomsbury Academic, 2019. *Anthropologies*, 2021, no 1, pp. 154-158 <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/154-158>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Philippe Pesteil | l'Université de Bretagne Occidentale. 3 Rue des Archives, 29238 Brest, France.